

Левъ Николаевичъ Толстой и Судъ.

Отрицательное отношеніе Л. Н. Толстого къ суду общеизвѣстно и не требуетъ подтвержденія, но въ данномъ очеркѣ мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на его взглядахъ на эту отрасль государственно-общественной дѣятельности и на мотивахъ вызвавшихъ непризнаніе Л. Н. идеи суда какъ уголовного, такъ и гражданскаго.

Отрицаніе Толстымъ за государствомъ права на судъ — Л. Н. говоря о судѣ, имѣетъ, обыкновенно, въ виду уголовную его отрасль — зависитъ отъ общаго взгляда его на государство, за которымъ онъ не признаетъ какой-либо власти, и построено на отрицаніи «права» вообще, какъ института, велѣніямъ котораго люди обязаны повиноваться. Принужденіе къ чему-либо людей силою, или угрозой насиліемъ, не допустимо, по мнѣнію Толстого, отъ кого бы оно ни исходило, отъ одного человѣка или отъ цѣлой группы лицъ, какую бы внѣшнюю форму эта группа не принимала. Насиліе надъ человѣкомъ вообще недопустимо и, будучи зломъ абсолютнымъ, не можетъ, какъ общее правило, породить ничего иного, кромѣ зла; насиліе, учиняемое хотя бы вполне добросовѣстно въ видахъ отвращенія и искорененія зла, въ чемъ бы это насиліе ни выражалось, не только не достигаетъ намѣченной цѣли, но, напротивъ, порождаетъ новое зло. Это положеніе, основанное на ученіи Евангелія, въ пониманіи его Л. Н. — «не противиться злу насиліемъ» на идеѣ «непротивленія» въ примѣненіи ея къ государству во всѣхъ его функціяхъ, и приводитъ Л. Н. къ выводу не только о бесполезности, но о преступности, обязательныхъ для насилія мѣръ, принимаемыхъ государствомъ, якобы ко благу подчинившихся его власти людей. Мѣры эти, сколь бы онѣ ни казались разнообразными по внѣшности, всѣ одинаковы. Это — насильственное оторваніе людей отъ ихъ обычныхъ занятій для отбыванія военной службы, поддерживаемое насиліемъ, или угрозой таковымъ, укрѣпленіе земли или другого имущества за отдѣльными лицами, име-

нуемое правомъ собственности, подчиненіе массы людей произволу немногихъ, лишеніе свободы, ссылка, отдача въ каторжныя работы, сѣченіе и другія истязанія и мученія, наконецъ, смертная казнь; и всѣ эти мѣры учиняются различными органами государственной власти ради общаго блага, а слѣдовательно и блага тѣхъ, надъ которыми совершаются эти насилія. Въ числѣ органовъ государства, принуждающихъ перечисленными способами населеніе, состоитъ и судъ, и дѣятельность его и всѣхъ его агентовъ, основанная исключительно на насиліи, ничѣмъ не отличается отъ дѣятельности администраторовъ, всевозможныхъ чиновниковъ, и наконецъ агентовъ чисто принудительной власти — полиціи, жандармовъ, тюремщиковъ и палачей.

Во всѣхъ почти своихъ твореніяхъ, начиная со времени написанія имъ «Въ чемъ моя вѣра», Толстой, останавливаясь на современномъ устройствѣ жизни человѣчества, въ томъ числѣ и въ странахъ, именуемыхъ культурными, ужасается по поводу глубокой несправедливости, царящей вездѣ, обману и гипнозу, въ силу котораго люди подвергаютъ себя и другихъ мученіямъ, тому, что до сихъ поръ между народами, принявшими ученіе Христа, возникаютъ жестокія, кровопролитныя войны, ежедневно совершаются убійства, тысячи томятся и калѣчатся въ тюрьмахъ, и людьми руководитъ не законъ любви и братства, а злоба и взаимная ненависть. Такое ужасное, дикое состояніе людей и, противное христіанской идеѣ равенства, несправедливое дѣленіе ихъ на имущихъ и неимущихъ, на господъ и слугъ, поддерживаемое насиліемъ, осуществляемымъ вооруженными людьми, будь то солдаты, полицейскіе или другіе агенты власти, развивается въ государствѣ и поддерживается имъ. Поэтому Толстой и высказывается безусловно противъ современнаго государственнаго устройства во всѣхъ его существующихъ видахъ, при чемъ, по его мнѣнію, вполнѣ развитая общественная жизнь могла бы въ настоящее время легко осуществляться и внѣ государства, такъ какъ «широко развитыя средства общенія и передачи мыслей сдѣлали то, что для образованія обществъ, собраній, корпорацій, конгрессовъ, ученыхъ, экономическихъ и политическихъ учреждений», люди уже не нуждаются въ государственной власти.

Отрицательное отношеніе Л. Н. къ современному государству во всей его полнотѣ, а слѣдовательно и къ необходимому его атрибуту — суду, явствуетъ, какъ мы уже сказали, изъ всѣхъ почти его писаній, но отдѣльнаго сочиненія Толстого, посвященнаго суду, насколько намъ извѣстно, не существуетъ. Всего больше о судѣ говорится въ романѣ «Воскресеніе», а затѣмъ въ цѣломъ

рядѣ твореній Л. Н. встрѣчаются ссылки и указанія на вредъ, приносимый уголовнымъ судомъ какъ жалобщику, обратившемуся къ суду, такъ и приговоренному къ наказанію, и на развращеніе самымъ фактомъ судейства лицъ, взявшихъ на себя обязанность судей.

Въ числѣ писемъ Толстого, предназначавшихся имъ для печати, есть одно — отвѣтъ студенту, спрашивавшему Л. Н. считаетъ ли онъ полезнымъ изученіе юридическихъ наукъ, въ которомъ Толстой, говоря о «правѣ», касается и суда. Л. Н. высказывается здѣсь, между прочимъ, такъ: «Правомъ, въ дѣйствительности называется для людей, имѣющихъ власть, разрѣшеніе, даваемое ими самимъ себѣ заставить людей, надъ которыми они имѣютъ власть, дѣлать то, что имъ, властвующимъ, выгодно: для подвластныхъ же правомъ называется разрѣшеніе дѣлать все то, что имъ не воспрещено». Дальше въ письмѣ говорится: «Уголовное право есть право однихъ людей ссылать, заточать, вѣшать; для людей же ссылаемыхъ, заточаемыхъ, вѣшаемыхъ есть право не быть изгнанными, заключенными, повѣшенными до тѣхъ поръ, пока это тѣмъ, кто имѣетъ возможность это дѣлать, не покажется нужнымъ»... «Право гражданское есть право однихъ людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысячъ десятинъ и на владѣніе орудіями труда и право тѣхъ, у кого нѣтъ земли и орудій труда, продавать свои труды и свои жизни»... Въ подтвержденіе такого отрицательнаго взгляда на право, Л. Н. въ письмѣ своемъ говоритъ, что судъ, на основаніи «права» присудить крестьянина, срубившаго въ лѣсу владѣльца тысячи десятинъ одно дерево, необходимое ему для удовлетворенія самыхъ первыхъ жизненныхъ потребностей, въ тюрьму, оставивъ тѣмъ голодную семью крестьянина безъ послѣдняго работника, а между тѣмъ собственникъ тысячи десятинъ земли, составляющей, въ сущности, естественное достояніе многихъ, въ особенности тѣхъ, которые живутъ на этой землѣ, пріобрѣлъ ее путемъ лишенія имущества другихъ. Богатство крупныхъ собственниковъ, фабрикантовъ и капиталистовъ, нажившихся, въ сущности, захватомъ земли или трудовъ рабочихъ, забитыхъ, обманутыхъ, спаиваемыхъ одуряющими напитками, охраняется такъ усердно, что если кто-либо изъ послѣднихъ присвоить себѣ одну миллионную часть предметовъ, добытыхъ себѣ богатыми, то его «по праву судить, запираютъ, ссылаютъ».

Въ письмѣ своемъ къ студенту Толстой въ конечномъ выводѣ предостерегаетъ его отъ увлеченія и вѣры въ идею «права», какъ наиболѣе вредящую людямъ, и говоритъ, что наилучшее — это, отказавшись отъ всякаго участія въ насиліи надъ людьми, устроить

свою жизнь въ согласіи съ Евангельскимъ ученіемъ любви, прощенья и братства.

Уже въ первомъ своемъ религіозно-философскомъ трудѣ «Въ чемъ моя вѣра» Толстой останавливается на толкованіи евангельскихъ словъ о судѣ и приходитъ къ тому заключенію, что общепринятое пониманіе Евангельскаго текста въ смыслѣ воспрещенья «осужденія» кого-либо, т.-е. душевнаго движенія, ничѣмъ фактически не выражающагося, не вѣрно, будучи слишкомъ узкимъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ Евангеліе воспрещаетъ не только осужденіе, но и судъ, какъ человѣческое учрежденіе. Таково пониманіе Евангелія и апостоломъ Павломъ и такъ примѣняли его къ своей жизни непосредственные ученики Христа и первые христіане, никогда не обращающіеся къ суду. Таковъ взглядъ первыхъ христіанскихъ писателей: Афинагора, Оригена и другихъ.

Высказывая въ сочиненіи, озаглавленномъ «Царство Божіе внутри насъ», мысли, сводящіяся къ подтвержденію справедливости ученія о непротивленіи злу — зломъ, насиліемъ, Толстой цитируетъ писаніе американца Вильяма Ллойда Гаррисона, еще въ 1838 году доказывавшаго, что «насиліе не содѣйствуетъ нравственному возрожденію» и что «грѣховныя наклонности человѣка могутъ быть уничтожены только добромъ», а также американца Адина Балу, проповѣдывавшаго печатно, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, идею непротивленія злу насиліемъ, а слѣдовательно, не признававшаго и суда. Толстой ссылается также на чешскаго писателя XV вѣка Хельчицкаго, доказывавшаго въ книгѣ своей «Сѣтъ вѣры» тѣ же самыя положенія. Въ указанномъ сочиненіи «Царство Божіе внутри насъ» Толстой говоритъ, между прочимъ: «Мы все братья, а я живу тѣмъ, что получаю жалованіе за то, чтобы уличать, судить и казнить вора или проститутку, существованіе которыхъ обусловлено всеѣмъ складомъ нашей жизни и которыхъ, я самъ знаю, нужно не казнить, а исправлять». Далѣе Л. Н. приводитъ то соображеніе, что, въ сущности, все люди чувствуютъ и сознаютъ въ глубинѣ души, что заключать въ тюрьмы, отдавать въ арестантское отдѣленіе, ссылатъ и вообще мучить «преступниковъ» — противно нравственному закону, но, тѣмъ не менѣе, въ видахъ обезпеченія матеріальнаго благосостоянія меньшинства и своего лично, творять это зло. Въ отношеніи непосредственно судебной дѣятельности Толстой въ той же монографіи высказывается такъ: «...гражданскіе суды рѣшаются по самымъ разнообразнымъ причинамъ, но только не по справедливости» и «...уголовные суды не имѣютъ никакого смысла, потому что наказаніе не достигаетъ никакой цѣли»...

Та же мысль высказывается въ письмѣ къ В. «Ихъ всѣхъ (такъ называемыхъ преступниковъ) посудать, потомъ запрутъ, чтобы они намъ не мѣшали готовить еще такихъ же, и мы говоримъ, что жестоко было бы оставить ихъ на волѣ». Въ рассказѣ для народнаго чтенія, «Упустишь огонь — не потушишь», проводится и иллюстрируется мысль, что обращеніе къ суду съ жалобой на кого-либо приносить не пользу, а вредъ самому жалобщику, не говоря уже о томъ, на кого подана жалоба, между тѣмъ какъ простое прощеніе нанесенной обиды, оставленіе человѣка, причинившаго зло, безъ преслѣдованія приводитъ къ благополучному для всѣхъ участвующихъ исходу столкновенія. Глубокій смыслъ искренняго раскаянія въ совершенномъ зломъ дѣяніи, значеніе добровольнаго, а не вынужденнаго покаянія, самоосужденія, по сравненію съ формальнымъ судомъ, выставлено Толстымъ въ его драмѣ «Власть тьмы», въ которой старикъ Акимъ — отецъ Никиты, говоритъ во время всенароднаго покаянія сына въ учиненномъ имъ насиліи и убійствѣ ребенка, уряднику, собирающемуся составить полицейскій актъ о происшедшемъ: «Экій ты, тае. Погоди, говорю. Объ ахтѣ, тае, не толкуй, значить. — Тутъ, тае, Божье дѣло идетъ... каится человѣкъ, значить. а ты, тае, ахту»...

Въ очень многихъ твореніяхъ Л. Н. второй половины его литературной дѣятельности говорится о несправедливости, жестокости, бесполезности, даже абсолютномъ вредѣ существующихъ уголовныхъ наказаній, изъ которыхъ Толстого наиболѣе возмущаетъ смертная казнь. Отношеніе Л. Н. къ этому наказанію изложено имъ въ монографіи: «Не могу молчать», въ которой великій писатель выступаетъ со свойственной ему силой и горячей убѣжденностью противъ самаго ужаснаго вида лишенія жизни однимъ человѣкомъ другого.

Наиболѣе о судѣ и особенно о наказаніи въ современномъ его состояніи, именно у насъ въ Россіи, говорится въ послѣднемъ большомъ романѣ Толстого «Воскресеніи». Уголовный судъ, въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ настоящее время, съ предварительнымъ слѣдствіемъ, лишеніемъ свободы до судебного разбирательства, самый ходъ судебного засѣданія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, постановленіе обвинительнаго приговора и исполненіе его, подробно описаны въ повѣствовательной формѣ въ романѣ, а совершенно отрицательный взглядъ автора на наше уголовное правосудіе, являющійся выводомъ изъ представленной имъ картины суда и наказанія, высказывается главнымъ лицомъ романа — Нехлюдовымъ.

Содержаніе дѣла по обвиненію Екатерины Масловой въ отравленіи съ корыстной цѣлью купца Смѣлького, и описанное въ романѣ теченіе въ Окружномъ Судѣ процесса ея, — общеизвѣстны, а потому мы повторять ихъ не будемъ, а остановимся на вопросѣ о томъ, вѣрна ли своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ содержаніемъ картина суда надъ Масловой, изображенная Толстымъ, также соотвѣтствуетъ ли дѣйствительности и вѣрно ли описаны и другіе, приведенные имъ въ романѣ, судебные казусы. Точное разрѣшеніе этого вопроса существенно для сужденія о томъ, насколько обоснованъ взглядъ Нехлюдова на судъ и судебную дѣятельность, такъ какъ этотъ взглядъ у него образовался благодаря изученію имъ приведенныхъ въ книгѣ Толстого судебныхъ дѣлъ.

Въ отношеніи оцѣнки изображенія Толстымъ въ его романѣ дѣятельности суда существуютъ различныя мнѣнія. Намъ приходилось слышать и даже читать, что Толстой изображаетъ не судъ, а пародію на него и оклеветалъ судебныхъ дѣятелей, а съ другой стороны, существуютъ отзывы совершенно противоположнаго характера, заключающіе въ себѣ лишь хвалу страницамъ «Воскресенія», въ которыхъ описывается судъ.

Внимательное и совершенно объективное изученіе изображенія Толстымъ въ его романѣ суда привело насъ къ такому заключенію: въ общемъ, картина, данная Л. Н., вѣрна, какъ по отношенію къ теченію процесса Масловой и другимъ судебнымъ дѣламъ, такъ и по отношенію къ дѣятелямъ суда; пародіи и клеветы въ его описаніи нѣтъ; всѣ приводимые имъ случаи могли имѣть мѣсто, и такихъ чиновъ судебного вѣдомства и адвокатовъ, какіе описаны имъ, въ дѣйствительности много; но Л. Н. взялъ для болѣе яркой иллюстраціи приводимыхъ имъ положеній судебные казусы исключительно отрицательнаго характера, не останавливаясь на дѣлахъ, исходъ которыхъ представлялся бы болѣе соотвѣтствующимъ идеѣ справедливости, чѣмъ и допустилъ нѣкоторую односторонность. Такъ, личность предсѣдательствовавшего на засѣданіи по дѣлу Масловой не представляется вымышленной; такіе люди, добродушные, но нѣсколько легкомысленные, интересующіеся въ жизни далеко не одной своей профессіей, встрѣчаются на каждомъ поприщѣ, а также и въ судебномъ вѣдомствѣ; отношеніе предсѣдательствующаго къ дѣлу Масловой изображено въ соотвѣтствovanіи съ характеромъ его и внѣшне вполне корректно и правильно; нѣкоторая неполнота его заключенія (резюме) составляетъ, конечно, ошибку, но ошибку, легко допускаемую у каждого. То обстоятельство, что оба Члены Суда заняты во время судебного разбирательства, но лишь до нѣкоторой степени,

своими домашними дѣлами (лѣченіемъ и семейной ссорой) ничего ненормальнаго не представляетъ, ибо самые добросовѣстные люди не могутъ не быть, и при исполненіи своихъ профессиональныхъ обязанностей, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ домашнихъ обстоятельствъ и, придя въ мѣсто служенія, совсѣмъ забыть о своихъ частныхъ дѣлахъ. Товарищъ прокурора очерченъ, несомнѣнно, отрицательно, изъ чего одного не слѣдуетъ, чтобы такого рода типъ былъ выдуманъ; въ томъ же романѣ, къ тому же выведено другое лицо Прокурорскаго надзора — Селенинъ, обладающее, напротивъ, выдающимися въ хорошую сторону чертами. Въ описаніи Товарища Прокурора едва ли вѣрнымъ представляется лишь то, что онъ предъ засѣданіемъ по дѣлу Масловой не прочелъ предварительнаго слѣдствія; это невѣроятно въ виду серьезности дѣла и, такъ какъ про Товарища Прокурора сказано, что онъ выступалъ въ качествѣ публичнаго обвинителя только еще четвертый разъ.

Присяжные засѣдатели описаны Л. Н. съ обычнымъ его мастерствомъ и, въ общемъ, отношеніе ихъ къ дѣлу Масловой не представляетъ изъ себя ничего особеннаго; они выслушали дѣло, повидимому, съ достаточнымъ вниманіемъ и рѣшили было его правильно, но только не сумѣли надлежаще выразить свое рѣшеніе. Вотъ эта, допущенная ими, странная ошибка и невнимательность къ изложенію отвѣтовъ, повлекшая за собою присужденіе Масловой, противъ воли Присяжныхъ, къ каторжнымъ работамъ, представляется не вполне вѣроятной и гораздо естественнѣе было бы, съ точки зрѣнія Присяжныхъ, не знавшихъ прошлаго Масловой и ея нравственной личности, въ виду имѣвшихся противъ нея уликъ и ея жизни послѣднихъ лѣтъ, простое признаніе ея виновной. Въ виду послѣдняго обстоятельства нѣтъ ничего страннаго въ отказѣ третьяго Члена Суда примѣнить къ рѣшенію Присяжныхъ 818-ую статью Устава Уголовнаго Судопроизводства, дающую право составу короннаго суда, при условіи единогласія, отмѣнить постановленный вердиктъ. Сенаторы, выведенные въ романѣ и Сенатское засѣданіе изображены авторомъ въ отрицательномъ освѣщеніи, но и по отношенію къ этому эпизоду романа можно сказать то же, что нами уже было сказано по отношенію ко всей картинѣ суда, данной Толстымъ, — что выведенныя имъ лица и отношеніе ихъ къ дѣлу не представляютъ изъ себя чего-либо исключительнаго и могутъ встрѣчаться на практикѣ, но что авторъ выбралъ умышленно только отрицательные случаи.

Знаменитый адвокатъ Фанаринъ изображенъ авторомъ чертами несимпатичными, но ничего неправильнаго въ немъ нѣтъ, а также нельзя признать клеветой на Судъ и адвокатуру рассказъ о томъ,

что известный адвокат так ловко повелъ порученное ему гражданское дѣло, что хотя онъ былъ не правъ, выигралъ процессъ. Случаи неправильнаго рѣшенія дѣлъ, къ сожалѣнію, въ практикѣ гражданскихъ судовъ встрѣчаются, а также существуютъ адвокаты, ведущіе дѣла, которыя можно назвать неправыми.

Помимо дѣла Масловой, въ романѣ упоминается еще о нѣсколькихъ уголовныхъ дѣлахъ, кромѣ политическихъ, приговоры по коимъ представляются не справедливыми. Такъ цитируется дѣло молодой крестьянки Федосьи (Фенички), признанной виновной въ покушеніи на отравленіе мужа, хотя она совершила это дѣяніе, когда ей было всего 16 лѣтъ и она физически не могла переносить половой близости съ мужемъ, но затѣмъ, будучи отдана на поруки, не только помирилась съ мужемъ и осталась жить съ нимъ но искренно полюбила его, такъ что на Судѣ и мужъ и свекровь говорили въ ея пользу. Такой приговоръ, хотя формально правильный, но въ существѣ своемъ несправедливый, представляетъ очень рѣдкое явленіе, и какъ доказательство негодности Суда Присяжныхъ не долженъ бы быть цитированъ, но такое рѣшеніе, какъ намъ известно, на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто. Затѣмъ, приведено дѣло крестьянина Меньшова и его матери, обвинявшихся въ поджогѣ, и хотя на самомъ дѣлѣ невинныхъ, но содержащихся до суда въ тюрьмѣ; послѣднее обстоятельство объясняется имѣвшимися по дѣлу уликами, а потому не представляетъ изъ себя ничего невѣроятнаго. Затѣмъ, описаны двѣ крестьянки, содержащіяся по судебнымъ приговорамъ въ тюрьмѣ, одна за то, что она, въ числѣ другихъ, оказала полиціи сопротивленіе при взятіи въ солдаты ея родственника, по ея и односельцевъ ея убѣжденію не законно, а другая — за корчемство. Наконецъ, описанъ случай суда надъ двѣнадцатилѣтнимъ жалкимъ малымъ, содержавшимся подъ стражей по обвиненію въ кражѣ со взломомъ старыхъ половиковъ, при чемъ мальчикъ этотъ оказался еще до кражи безъ средствъ существованія, потерявъ, не по своей винѣ, заработокъ, и не найдя новаго.

Въ «Воскресеніи» очень много мѣста отведено описанію, представляющемуся вполне правильнымъ, тюремнаго быта и движенія по этапу партіи арестантовъ, приговоренныхъ на каторгу, въ Сибирь. Толстымъ выставлены и ярко освѣщены безчисленные темныя стороны жизни арестантовъ, не только не исправляющей ихъ но, напротивъ, развращающей нравственно и калѣчащей физически.

Это положеніе, болѣе чѣмъ отрицательнаго характера, есть, по мнѣнію Л. Н., единственный результатъ дѣятельности Суда.

Не вѣря въ возможность дѣйствительно (безъотносительно) справедливыхъ рѣшеній Суда гражданскаго и, видя лишь печальныя, нежелательныя результаты дѣятельности Суда уголовнаго, которые ничего и никого не исправляютъ, не искореняютъ зла, даже не утрашаютъ, а потому и не удерживаютъ людей отъ преступленій, какъ то показываетъ опытъ, но, несомнѣнно, сами вносятъ въ жизнь зло, мучая и калѣча людей, оправдываясь фикціей устраненія самосуда, который лишь возможенъ, тогда какъ тюрьма, каторга, ссылка и смертная казнь налицо, — Толстой устами Нехлюдова, передавая его мысли и разговоры съ шуриномъ, безусловно отвергаетъ Судъ.

Нехлюдову ясно, что наука уголовного права не даетъ отвѣта на вопросъ, на какомъ основаніи одни считаютъ возможнымъ судить и наказывать другихъ. Право государства на наказаніе признается аксіомой и наука лишь подыскиваетъ для нея оправданія. Къ тому же Нехлюдовъ убѣдился, что въ числѣ приговоренныхъ судомъ къ наказаніямъ много просто невиновныхъ, ошибочно заподозрѣнныхъ, а затѣмъ, «огромная доля невинныхъ, потому что они, воспитавшись въ извѣстной средѣ, не считаютъ совершенные ими проступки преступленіями». Цѣль суда совсѣмъ не справедливость, а поддержаніе сословныхъ интересовъ и того порядка, который выгоденъ меньшинству. «Судъ есть только административное орудіе для поддержанія существующаго порядка вещей». Судъ даже не устраняетъ (за исключеніемъ смертной казни) людей, и нечего надѣяться на то, что пенитенціарная система можетъ быть улучшена, а потому «вся дѣятельность судовъ состоитъ въ безсмысленныхъ и жестокихъ поступкахъ» и «...нельзя понять, какъ могутъ душевно здоровые люди участвовать въ такомъ нелѣпомъ и жестокомъ дѣлѣ, какъ Судъ». Нехлюдову ясно, что судъ недопустимъ уже потому, что «нельзя, будучи злымъ, исправлять зло», а судьи запираютъ и мучаютъ въ тюрьмахъ и на каторгѣ массу людей, что есть несомнѣнное зло; между тѣмъ, необходимо лишь одно, «чтобы люди признавали себя всегда виноватыми передъ Богомъ и потому неспособными ни наказывать, не исправлять другихъ людей. При непредвзятомъ взглядѣ на Судъ — такъ думаетъ Нехлюдовъ — получается слѣдующая картина: «Нуждающіеся п корыстные люди, сдѣлавъ себѣ профессію изъ этого мнимаго наказанія и исправленія людей, сами развратились до послѣдней степени и, не переставая, развращаютъ и тѣхъ, которыхъ мучаютъ». Средство борьбы съ преступностью существуетъ лишь одно, оно указано Христомъ, это: «прощать всегда всѣхъ, безконечное число разъ прощать, потому что нѣтъ такихъ

людей, которые бы сами не были виновны и потому могли бы наказывать и исправлять».

Таковъ взглядъ Л. Н. Толстого на судебную дѣятельность, какъ онъ изложенъ въ его твореніяхъ. Тѣ же мысли Л. Н. высказывалъ мнѣ лично въ часто повторявшихся бесѣдахъ нашихъ о судѣ и о томъ, почему я, во многомъ согласный съ убѣжденіями Л. Н., отстаиваю идею Суда и считаю возможнымъ оставаться въ средѣ судебного вѣдомства. Передавая въ настоящее время нѣкоторыя подробности разговоровъ нашихъ о Судѣ, я отнюдь не имѣю въ виду анализировать, опровергать или вообще критиковать воззрѣнія Л. Н., какъ уже приведенныя мною, такъ и высказывавшіяся имъ въ бесѣдахъ нашихъ, цѣль моя совершенно исключительная: точно выразить отношеніе Л. Н. къ суду.

Въ этихъ видахъ необходимо, возвращаясь къ сказанному Толстымъ о Судѣ въ его писаніяхъ, установить, что Л. Н. говоритъ только о современном Судѣ и останавливается лишь на одной сторонѣ его дѣятельности — на предварительныхъ репрессивныхъ мѣрахъ и на самомъ наказаніи. Толстой совершенно игнорируетъ, не видитъ все другое, что, однако, обязательно входитъ въ функціи Суда, — я говорю о вознагражденіи потерпѣвшаго, восстановленіи нарушенныхъ его правъ, прекращеніи вредной дѣятельности, исправленіи допущеннаго нарушенія, угрожающаго той или другой опасностью, о склоненіи сторонъ къ примиренію, о публичномъ оправданіи напрасно заподозрѣнныхъ, восстановленіи чести и добраго имени оклеветаннаго. Причина игнорированія Толстымъ обстоятельствъ, казалось бы достаточно важныхъ и нѣсколько видоизмѣняющихъ указанное Л. Н. направленіе и задачи Суда, насколько я могъ въ этомъ убѣдиться, заключается въ томъ, что только что приведенная мною сторона судебного дѣла представляется Л. Н. настолько ничтожной, мелкой и побочной по сравненіи съ тѣмъ громаднымъ количественно и качественно зломъ, которое Судъ наноситъ, заключая тысячи людей въ тюрьмы, ссылая на каторгу и даже лишая жизни, что онъ просто забываетъ о ней, не считаетъ возможнымъ о ней говорить, какъ бы подавленный ужасомъ, внушаемымъ ему тюрьмой и всѣмъ тѣмъ насиліемъ которое не переставая, творитъ Судъ. Такимъ образомъ для Толстого Судъ уголовный — это учрежденіе, привлекающее людей, заподозрѣнныхъ въ учиненіи дѣяній, запрещенныхъ закономъ въ видахъ огражденія благосостоянія властвующаго меньшинства и присуждающее ихъ за эти дѣянія къ наказаніямъ — тюрьмѣ, ссылкѣ, каторгѣ смертной казни, и этими мѣрами развращающее и губящее людей духовно и физически.

Что касается Суда гражданского, то Толстой, относясь и къ нему въ твореніяхъ своихъ вполнѣ отрицательно, удѣляетъ ему, однако, очень мало вниманія, ограничиваясь утвержденіемъ, что онъ служить, руководствуясь «правомъ» и законами, къ поддержанію выгоднаго для меньшинства имущественнаго положенія людей, признаваемого Л. Н. несправедливымъ и основаннымъ на насиліи, а потому неспособенъ къ дѣйствительному правосудію. Въ сущности, Л. Н., такимъ образомъ, оставляетъ вопросъ о гражданскомъ судѣ въ сторонѣ, мало имъ интересуясь по сравненію съ уголовнымъ.

Возражая Л. Н. въ бесѣдахъ о Судѣ, я, оставляя въ сторонѣ «право» и положеніе о непротивленіи злу, высказывалъ приблизительно слѣдующее: задача уголовного суда вовсе не исчерпывается назначеніемъ лицу, признанному виновнымъ въ томъ или другомъ преступленіи, наказанія тюрьмою, каторгой или ссылкой. Цѣль правильно организованнаго Суда гораздо шире и значительнѣе. Суду предстоитъ, во-первыхъ, выяснить истину въ событіи, заключающемся въ столкновеніи между собою людей, повлекшемъ болѣе или менѣе крупное нарушеніе правъ и интересовъ одного или нѣсколькихъ лицъ. Опредѣленіе причины совершившагося, независимо отъ отвлеченнаго интереса къ установленію истины, при наличности такихъ фактовъ, какъ нахожденіе тѣла человѣка съ признаками насильственной смерти, пожара, не вызваннаго естественною причиною, составляетъ какъ бы врожденную потребность человѣка, проявлявшуюся въ немъ во всѣ времена и непремѣнно побуждающую его къ разслѣдованію подобнаго уголовного событія. Установленіе Судомъ кто именно совершилъ дѣяніе, имѣющее признаки преступленія, вовсе не влечетъ за собою не-премѣннаго назначенія тому лицу наказанія, ибо въ цѣломъ рядѣ случаевъ, если, напр., совершитель психически ненормаленъ, боленъ, находился по той или другой причинѣ въ состояніи невмѣняемости (опьяненіе, аффектъ, самооборона, принужденіе), учинилъ изслѣдуемое дѣяніе безсознательно или по неосторожности—«преступленія», влекущаго для учинившаго его наказаніе, нѣтъ налицо. Точное опредѣленіе личности совершителя даннаго преступленія важно еще тѣмъ, что оно устраняетъ подозрѣніе, часто падающее на совершенно непричастныхъ лицъ, а такое подозрѣніе, хотя оно не влечетъ за собою тюремнаго заключенія, не есть что-либо безразличное и можетъ имѣть очень тяжелыя для заподозрѣннаго послѣдствія. Во-вторыхъ, суду надлежитъ выяснитъ не только характеръ уголовного событія, но и всѣ условія его совершенія, причины, побудившія данное лицо учинить пре-

ступленіе, и изслѣдовать до извѣстной степени его личность и среду, въ которой онъ жилъ, а также взгляды этой среды на значеніе совершеннаго дѣянія. — Эта задача Суда особенно важна, такъ какъ выясненіе ея можетъ указать на особенности и ненормальности жизни изслѣдованной среды, которыя, независимо отъ характера личности совершителя, могли подвинуть его на преступленіе, и которыя, слѣдовательно, надлежитъ устранить. Въ-третьихъ, Суду при наличности столкновенія, затрогивающаго жизненные интересы нѣсколькихъ лицъ, надлежитъ авторитетно, убѣдительно для спорящихъ, разрѣшить вопросъ о томъ, кто правъ, и тѣмъ прекратить длящийся раздоръ, грозящій повтореніемъ преступленій. Въ-четвертыхъ, Судъ исправляетъ, насколько возможно, совершенное зло, возвращая собственнику похищенное у него и опредѣляя обязанность совершителя вознаградить матеріально потерпѣвшаго. Судъ удовлетворяетъ и въ духовномъ отношеніи потерпѣвшаго, высказывая безпристрастное осужденіе его обидчику. Судъ во многихъ случаяхъ имѣетъ своею задачею примиреніе сторонъ, вступившихъ въ конфликтъ. Убѣдившись во вредѣ допущенной извѣстнымъ лицомъ дѣятельности, Судъ воспрещаетъ ему таковую. Провозглашая безпристрастно и согласно съ нравственнымъ закономъ постановленные приговоры, Судъ этимъ содѣйствуетъ распространенію и пониманію справедливости, становясь общедоступной школой добра. Наконецъ, въ очень многихъ случаяхъ судебное обвиненіе, производящееся незаинтересованными лицами, спасаетъ заподозрѣнное въ преступленіи лицо отъ преслѣдованія и мести потерпѣвшихъ, отъ такъ называемаго самосуда, всегда исключительно жестокаго и часто ошибочнаго. Мною указывались и другія еще обязанности уголовного суда, ничего общаго не имѣющія съ наказаніемъ, назначеніе котораго является далеко не главной задачей Суда. Я говорилъ о томъ, что Судъ, помѣщая въ исправительныя заведенія впавшихъ въ преступленіе несовершеннолѣтнихъ, часто безусловно спасаетъ ихъ, давая возможность пройти школу и пріобрѣсти нужныя въ нормальной жизни познанія и взгляды; говорилъ о воспитательномъ значеніи для людей слабовольныхъ и уже разъ преступившихъ общепринятый порядокъ жизни «условнаго осужденія».

Признавая съ своей стороны совершенную несостоятельность нашей пенитенціарной системы, дѣйствительно дающей въ большинствѣ отрицательные результаты, я старался доказать, что эта система вовсе не связана съ идеей Суда, которая, — какъ я уже говорилъ, — гораздо шире и значительнѣе, и не должна быть отвергаема только потому, что осуществленіе ея въ данное время

поставлено неудовлетворительно. Идея Суда, направленная исключительно къ добру, это — идея борьбы съ насиліемъ не зломъ, не насиліемъ, а другими мѣрами. Если, однако, идея суда осуществляется въ данное время неправильно, толкуется невѣрно, — то это даетъ лишь основаніе къ работѣ надъ очищеніемъ ея отъ наноснаго сора, отъ чуждыхъ ей элементовъ, къ установленію такого порядка суда, который не извращалъ бы цѣли его — служенію справедливости. Идея христіанства, столь высоко цѣнимаго Л. Н., вся проникнута чувствомъ любви, прощенія, мира и братства, а между тѣмъ, примѣненіе ученія Христа къ дѣйствительной жизни въ настоящее время далеко отъ этой идеи и мирится съ войнами, смертными казнями, мстью врагамъ, преслѣдованіемъ ино-вѣрныхъ и иноплеменныхъ, но отъ этого само ученіе не тускнѣетъ и Л. Н. отъ него не отказывается. Тоже надлежитъ примѣнить и къ идеѣ Суда.

И теперь, при современной, далекой отъ совершенства организации Суда, многое въ его дѣятельности не согласно съ однообразно-мрачною картиной, данной Л. Н. Такъ, преданіе суду лицъ, фактически невиновныхъ, встрѣчается, въ сущности, рѣдко, а напротивъ, оправданія присяжными засѣдателями подсудимыхъ, несомнѣнно совершившихъ дѣяніе, въ которомъ они обвиняются и даже сознаются, встрѣчаются часто, при чемъ по такимъ дѣламъ, какъ, напр., описанная Л. Н. кража несовершеннолѣтнимъ малымъ ничего нестоящихъ половинокъ, присяжные судьи не только выносятъ оправдательный приговоръ, но снабжаютъ подсудимаго деньгами, а защитникъ нерѣдко помогаетъ оправданному устроиться въ жизни. Указанные случаи не оправдываютъ, однако, принятую вездѣ въ отношеніи судебной репрессіи пенитенціарную систему, а напротивъ, подтверждаютъ ея жестокость, несправедливость и непрактичность, они, напротивъ, примѣняются какъ протестъ противъ существующихъ карательныхъ мѣръ. Но высказанное Л. Н. положеніе, что пенитенціарная система не можетъ быть улучшена, было бы вѣрно, если улучшеніе ея должно было бы ограничиться простой реформой въ родѣ снабженія содержащихся въ тюрьмахъ арестантовъ болѣе питательной пищей, болѣе мягкаго обращенія съ приговоренными на каторгу и т. п. Такая реформа, конечно, какъ мѣра палліативная, уменьшивъ мученія, сопряженные съ лишеніемъ свободы, ничего въ существѣ дѣла не измѣнитъ, — принципъ «наказанія» останется тотъ же. Но улучшеніе карательной системы должно быть гораздо радикальнѣе, реформа должна коснуться именно принципиальной стороны дѣла и совершенно измѣнить «наказаніе», устранивъ окончательно идею возмездія, не

допуская безцѣльнаго лишенія свободы, представляющагося теперь какъ бы прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ совершенія преступленій извѣстной категоріи, и преслѣдуя лишь цѣли практическаго характера, какъ-то: приспособленіе, воспитаніе, лѣченіе и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ насильственное обезвреживаніе или устраненіе, при томъ способами гуманными.

Говорилось мною и о томъ, что эволюція, движеніе впередъ въ указанномъ направленіи, несомнѣнно существуетъ и все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать, и не только въ отвергаемой Л. Н. наукѣ уголовного права, но даже и въ положительномъ законодательствѣ, допускающемъ въ жизнь такіе, недавно еще немыслимые институты, какъ условное осужденіе, условное досрочное освобожденіе. Я познакомилъ Л. Н. со взглядами на наказаніе извѣстнаго криминалиста Бара, считающаго возможнымъ во многихъ случаяхъ учиненія преступленій, въ связи съ мотивами его и другими условіями, ограничиться публично объявленнымъ «нравственнымъ осужденіемъ» преступника, а также съ ученіемъ представителей социологической школы уголовного права, отрицательно относящихся къ дѣйствующему уголовному закону и къ настоящей практикѣ уголовныхъ судовъ. Приведенныя новыя теоріи, радикально измѣняющія въ отношеніи послѣдствій осужденія дѣятельность суда, постепенно завоевываютъ болѣе твердое положеніе въ уголовномъ правѣ, эволюционирующемъ, но медленно, какъ и всѣ гуманитарныя науки, по сравненію съ прикладными, техническими, біологическими. Однако, за послѣднее десятилѣтіе наука уголовного права уже замѣтно двинулась впередъ, а потому наступленіе времени, когда нынѣшняя тюрьма и каторга станутъ такимъ же достояніемъ исторіи, какими уже стали примѣнявшіяся прежде судомъ пытки, битье кнутомъ и плетью, клейменіе, вырываніе поздрей, четвертованіе, уже не столь отдаленно.

Оспаривая мысль Л. Н., что опасеніе самосуда въ случаяхъ оставленія преступленій безъ преслѣдованія со стороны государственныхъ органовъ есть лишь фикція, а вредъ, наносимый обществу короннымъ судомъ налицо, я приводилъ рядъ извѣстныхъ мнѣ не по литературѣ, а встрѣченныхъ мною въ жизни, случаевъ самосуда, соединенныхъ съ грубыми ошибками относительно личности заподозрѣннаго и крайне жестокихъ, доказывающихъ въ то же время, что потребность въ нелицепріятномъ, незаинтересованномъ въ дѣлѣ судѣ существуетъ. И существуетъ потребность именно въ судебномъ разслѣдованіи дѣла, въ выясненіи истины, а не непременно въ наказаніи. Это положеніе подтверждается совершенно различнымъ отношеніемъ толпы къ заподозрѣнному въ учи-

неніи преступленія, котораго она готова разорвать на части, и къ уже приговоренному къ наказанію арестанту, «несчастному», по терминологіи простолюдиновъ, возбуждающему жалость и сочувствіе.

Судъ, конечно, имѣетъ своей задачей поддерживать существующій въ данномъ обществѣ порядокъ жизни и только тогда можетъ быть авторитетнымъ и имѣть значеніе, основанное не на насиліи, а на добровольномъ признаніи населеніемъ обязательности его рѣшеній, когда его дѣятельность находится въ согласіи съ правовыми и бытовыми воззрѣніями общества. Разъ какъ общество въ цѣломъ признаетъ право собственности, то судъ обязанъ его охранять, но изъ этого положенія вовсе не вытекаетъ обязанности суда рѣшать подлежащія ему дѣла въ пользу собственниковъ и вообще состоятельныхъ людей и согласно указаніямъ правительства. Будучи органомъ государства, Судъ остается тѣмъ не менѣе совершенно независимымъ въ своихъ рѣшеніяхъ и отнюдь не долженъ подчиняться приказамъ представителей государственной власти. Судъ — учрежденіе государственное въ томъ отношеніи, что лишь ему, организованному точно опредѣленнымъ образомъ, а не частнымъ лицамъ и обществамъ принадлежитъ право обязательнаго для населенія, поддерживаемаго государствомъ, разбирательства уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Судъ, конечно, можетъ стать учрежденіемъ, поддерживающимъ интересы одного сословія ко вреду другихъ, но такой судъ будетъ далекъ не только отъ идеала, но и отъ нормы, грѣша именно отсутствіемъ главнаго условія правильнаго своего функціонированія — независимости, объективности и политической незаинтересованности. Насколько административные органы должны быть зависимы отъ центральной государственной власти, настолько судебные должны быть ограждены отъ ея вліянія, и въ этомъ одно изъ крупныхъ различій этихъ двухъ функцій государства. Если въ данное время хотя бы во Франціи или въ Россіи судъ находится въ зависимости отъ правительственной власти и является послушнымъ ея орудіемъ, то это доказываетъ лишь, что организація суда неудовлетворительна и требуетъ коренной реформы; такой судъ заслуживаетъ дѣлаемые ему Толстымъ упреки и дѣйствительно бываетъ далекъ въ своихъ рѣшеніяхъ отъ справедливости.

Дѣятельность суда не можетъ даже въ идеалѣ обойтись въ извѣстныхъ случаяхъ безъ насилія, но насиліе это не должно быть разсматриваемо какъ зло и дѣйствительно не составляетъ такового. Насиліе, учиненное надъ умалишеннымъ въ видахъ огражденія его самого, такое же насиліе надъ пьянымъ, больнымъ, надъ ребенкомъ

или слѣпымъ, надъ лицомъ, находящимся въ безсознательномъ отъ раздраженія состояніи и т. п., не есть зло. Поэтому, помѣщеніе, по приговору суда, преступника-алкоголика, вопреки его воли, въ специальную лѣчебницу, психически ненормальнаго человѣка — въ больницу, несовершеннолѣтняго нарушителя закона — въ исправительное воспитательное заведеніе, хотя сопровождается насилиемъ, не есть зло и не порочить суда.

Наконецъ, даже согласившись съ тѣмъ, что насиліе надъ человекомъ есть зло, нельзя не признать подсказываемой самой жизнью необходимости обращаться въ видѣ исключенія къ насилію, между прочимъ и въ судебной дѣятельности, при чемъ это насиліе, разъ какъ оно предписывается учрежденіемъ, пользующимся общимъ довѣріемъ населенія, учрежденіемъ, независимымъ ни отъ правительства, ни отъ той или другой политической партіи, сословія или группы людей, не можетъ имѣть одіознаго характера, ибо оно предпринимается не въ видахъ чьихъ-либо частныхъ интересовъ, а ради общей пользы, а при томъ безъ примѣненія какихъ-либо жестокихъ мѣръ. Такіе случаи въ судебной практикѣ должны имѣть мѣсто по отношенію къ профессиональнымъ преступникамъ, подлежащимъ удаленію изъ общества и лишенію свободы впредь до приспособленія ихъ къ нормальной жизни.

Такая организація суда, несомнѣнно, не легко достижима, она трудна къ установленію ея въ теоріи и на много труднѣе въ осуществленіи ея въ жизни, но она не плодъ праздної фантазіи и безусловно осуществится съ теченіемъ времени, что доказывается тѣми улучшеніями судопроизводства, которыя достигнуты, по сравненію съ недавнимъ еще дореформеннымъ процессомъ, уже въ настоящее время. Разумѣется, и въ дѣятельности такого суда будутъ дефекты и ошибки, онъ не будетъ совершенствомъ, но безусловный идеалъ едва ли вообще достижимъ.

Приводимые мною доводы не склонили Л. Н. къ рѣшительному признанію допустимости суда, но едва ли я ошибусь, утверждая, что принципиальное отрицаніе суда Л. Н. зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что онъ видѣлъ предъ собою лишь существующее въ данное время судопроизводство и дѣйствующую карательную систему, знающую почти исключительно тюрьму, арестантскія исправительныя отдѣленія (ничѣмъ, въ сущности, не отличающіяся отъ тюрьмы), ссылку, каторгу и смертную казнь, а затѣмъ не довѣрялъ возможности измѣненія взглядовъ властвующихъ и законодательствующихъ на карательную функцію Суда и дѣйствительнаго улучшенія судебной организаціи. Но все-таки, не разъ въ концѣ нашей бесѣды Л. Н. соглашался съ тѣмъ, что въ жизни

людей встрѣчается надобность въ разрѣшеніи возникшаго между нѣсколькими лицами спора или столкновения. На этой почвѣ Л. Н. готовъ былъ признать пользу гражданскаго суда и самъ приводилъ такой примѣръ: двое людей, обрабатывающіе землю совершенно рядомъ, сами не знаютъ, гдѣ граница фактическаго владѣнія каждаго изъ нихъ и потому не могутъ одни разобраться въ этомъ или подобномъ вопросѣ и оба обращаются къ извѣстному имъ почтенному лицу, или нѣсколькимъ лицамъ, съ просьбою разрѣшить ихъ сомнѣніе, а затѣмъ добровольно исполняютъ данный имъ совѣтъ. Л. Н. соглашался и съ тѣмъ, что такія, пользующіяся общимъ уваженіемъ, лица могутъ быть прямо избираемы населеніемъ. Вообще, идея суда гражданскаго, но при условіи, чтобы это не былъ судъ формальный, при которомъ можетъ выиграть споръ не тотъ, кто правъ, а тотъ, кто болѣе ловокъ и свѣдущъ въ законахъ, признавалась Л. Н. охотнѣе; его останавливало отъ окончательнаго допущенія ея лишь соображеніе о томъ, что немыслимо создать такой судъ, который руководствовался бы исключительно справедливостью, а не интересами собственными или меньшинства. Съ существованіемъ гражданскаго суда Л. Н. мирило еще то, что гражданскій процессъ начинается исключительно по волѣ сторонъ и можетъ быть въ каждый данный моментъ прекращенъ мировымъ соглашеніемъ и наконецъ, то, что приведеніе въ исполненіе гражданскихъ рѣшеній не сопровождается насиліемъ надъ личностью.

Признавая, что и въ уголовномъ Судѣ не все основано на насиліи, Л. Н. мирился въ концѣ концовъ и съ существованіемъ суда уголовного, но съ тѣми измѣненіями его дѣятельности, о которыхъ я говорилъ, а именно съ тѣмъ, чтобы судъ не былъ политическимъ, партійнымъ или сословнымъ органомъ, пользовался бы дѣйствительною самостоятельностью, а главное, съ тѣмъ, чтобы карательныя его функціи были радикально пересмотрѣны и наказаніе въ настоящемъ значеніи этого слова, т.-е. насильственное причиненіе путемъ лишенія свободы мученій преступникамъ было бы отмѣнено. Теорія Бара, идея нравственнаго осужденія представлялась Толстому допустимой, хотя Л. Н. отталкивало то, что и при такой постановкѣ суда человѣкъ присвоиваетъ себѣ право предъявлять извѣстное обвиненіе другимъ лицамъ, уличать ихъ и «осуждать» за дѣянія, въ которыхъ онъ, быть можетъ, самъ въ той же, если еще не въ большей степени, виновенъ. Тутъ получалось нѣкоторое противорѣчіе съ евангельскимъ положеніемъ, не устранявшееся, по мнѣнію Л. Н., мыслью о томъ, что въ Евангеліи имѣлся въ виду судъ болѣе строгій, чѣмъ нашъ, наказывавшій не только тюрьмою,

но и смертною казною, т.-е., въ сущности, совершенно другое учрежденіе. Л. Н. допускалъ судъ лишь какъ исходъ изъ столкновенія нѣсколькихъ лицъ, сопровождавшагося и грозящаго взаимнымъ насиліемъ, примирить которое не представлялось возможнымъ инымъ образомъ.

Задачу «исправленія», если его понимать, какъ воспитаніе по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ и приспособленіе или лѣченіе по отношенію къ взрослымъ, хотя она вообще отвергалась Толстымъ въ его сочиненіяхъ (исключеніемъ является высказанная имъ въ сочиненіи «Царство Божіе внутри насъ» мысль, что преступниковъ надо не наказывать, а исправлять) Л. Н. соглашался ввѣрить реформированному суду, при чемъ мнѣ думается, что эта уступка вызывалось тѣмъ, что Л. Н. видѣлъ при его посѣщеніяхъ Тульского Исправительнаго пріюта, гдѣ онъ бывалъ со мною и одинъ нѣсколько разъ. Принципіально Л. Н. продолжалъ высказываться противъ такого рода учреждений, имѣя, между прочимъ, въ виду то, что такими гуманными мѣропріятіями скрашивается зло, приносимое судомъ и вообще нашимъ соціальнымъ устройствомъ, скрашивается, но отнюдь не уничтожается, а между тѣмъ, въ глазахъ людей зло теряетъ свою остроту и съ нимъ легче мириться.

Кромѣ того, Л. Н. мало вѣрилъ въ искренность задачи и интереса устроителей и руководителей подобныхъ благотворительныхъ учреждений, руководствующихся, въ большинствѣ, соображеніями карьернаго или тщеславнаго характера, а не любовью къ людямъ, между тѣмъ какъ дѣло воспитанія и спасенія возможно лишь при наличности непосредственнаго чувства любви къ человѣку, а потому воспитаніе обычно въ подобныхъ пріютахъ идетъ неудовлетворительно, оставаясь показной забавой. Таково было теоретическое отношеніе Л. Н. къ «исправительнымъ учрежденіямъ» вообще, но, посѣщая Тульскій пріютъ и видя тамъ мальчиковъ, занятыхъ работой, зимою по какому-нибудь мастерству, а лѣтомъ — въ огородѣ, или въ вечерніе часы весело играющихъ на дворѣ въ городки и другія игры, оживленно отвѣчающихъ на вопросы, не насилуемыхъ больше, чѣмъ насилуются вообще дѣти, обучающіеся какому-либо мастерству или находящіеся въ школѣ, Л. Н. соглашался со мной, что такой результатъ судебной дѣятельности — разумень.

Л. Н. говорилъ, что понимаетъ судъ въ лицѣ выбранныхъ населеніемъ почтенныхъ людей, «стариковъ», «лучшихъ людей», пользующихся общимъ довѣріемъ, разрѣшающій по просьбѣ заинтересованныхъ сторонъ имѣвшія мѣсто столкновенія и споры,

примирающій враждующихъ и въ концѣ-концовъ произносящій рѣшенія, не влекущія для лица, признаннаго неправымъ, такихъ наказаній какъ тюрьма и всѣ прочія мѣры теперешней уголовной репрессіи.

Къ признанію суда въ такой смягченной и примитивной формѣ Л. Н. приходилъ въ бесѣдахъ со мною неоднократно, но признаніе это не вызывало измѣненія взгляда Л. Н. въ его писаніяхъ на реальный, творимый во всемъ мірѣ, судъ. Онъ оставался такимъ же отрицательнымъ, такъ какъ совпадалъ съ общимъ взглядомъ Л. Н. на государство, существующее насиліемъ, и такъ какъ Левъ Николаевичъ не отдаваясь спеціальному изученію идеи Суда и наилучшаго способа осуществленія ея, имѣлъ передъ глазами современное состояніе суда.

Нѣкоторое отступленіе, дѣлавшееся Л. Н. въ приведенныхъ бесѣдахъ со мною, отъ категорически установленнаго имъ въ его сочиненіяхъ отрицанія всякой судебной дѣятельности, можно, думается мнѣ, объяснить слышаннымъ мною лично отъ Л. Н. разсужденіемъ о томъ, что онъ въ твореніяхъ своихъ, высказывая мысли по волнующимъ людей вопросамъ устройства жизни, выставлялъ идеалъ, совершенство, въ сущности, недостижимое, не указывая на допустимыя и на самомъ дѣлѣ неизбежныя отступленія отъ него, на компромиссы, которые сами собою появятся и устроятся, не затемняя, однако, идеала, который пересталъ бы быть таковымъ если его начертать съ допустимыми отъ него отступленіями и послабленіями.

Такимъ образомъ, Л. Н. какъ идеалъ представлялось такое состояніе человѣчества, при которомъ не было бы надобности ни въ уголовномъ, ни даже въ гражданскомъ судѣ, и люди сами не обращались бы къ Суду, а какъ допустимое отступленіе отъ идеала— Судъ, обязательность рѣшеній котораго зиждется не на внѣшней силѣ, а на авторитетности и справедливости его, Судъ, не знающій теперешней лѣстницы наказаній, обходящійся безъ полицейскихъ, тюремщиковъ и палачей, а напротивъ, вносящій въ жизнь примиреніе, возстановливающій поправныя права, исправляющій зло, Судъ не формальный, Судъ общедоступный, если и примѣняющій насиліе, то лишь въ исключительныхъ случаяхъ и въ видахъ огражденія интересовъ осужденнаго или, въ извѣстныхъ случаяхъ, и всего общества.

Н. Давыдовъ.